

Профессор Вирилл заставил Ронина репетировать сценарий для грядущего показа. Но на этот раз, вернувшись в лабораторию, Ронин предложил: "А что, если мы отбросим сценарий, сэр? Пусть все идет своим чередом?" Вирилл нахмурил брови под бинтами. "Пусть все идет своим чередом?" "Просто пристегните меня к машине воскрешения в начале и оставьте все слова за мной." Ронин усмехнулся. Профессор понятия не имел, что задумал этот непредсказуемый юноша, но он уже научился доверять уверенности Ронина. Если тот был в чем-то уверен, то это было так и есть. Настал день показа, и их направили в Зал Суда. Зал Суда когда-то был мини-амфитеатром для небольших, более частных представлений. Он служил для того, чтобы только несколько человек могли наблюдать и судить за конкурсом, оставляя за пределами комнаты всех, кроме самого конкурсанта и жюри. Члены жюри сидели наверху, отделенные от сцены односторонним стеклом. Тот, кого судили, не мог видеть судей, но они могли видеть его. Сейчас Ронин чувствовал себя как участник талант-шоу. Пример Каллы оказался более чем полезным, ведь на таких шоу презентация – это все. Он тихо вошел в зал, профессор Вирилл уже был привязан к стулу, и Ронин легко катил его на металлической платформе на колесах. Он вдохнул и начал: "Прежде чем я начну, разрешите спросить, есть ли в зале люди, испытывающие сильный страх или отвращение к крови и насилию?" Некоторое время ответа не последовало, но кто-то вышел из-за панели для судей. Это был не советник. Это был один из сотрудников. "Советник не боится крови и кровопролития," – сообщил сотрудник. "Хорошо, тогда я благодарю советника и начну презентацию." Ронин поклонился зеркалу, висящему высоко над рядами кресел. "Э-э... но я не люблю эти вещи, советник," – сказал сотрудник, подняв руку. "Могу я уйти?" Он снова зашел за панель, по-видимому, советник разрешил ему уйти, и тот поспешно покинул Зал Суда. Ронин усмехнулся. "Теперь, когда все улажено, я должен начать с вопроса, на который направлено наше исследование..." "Что движет жизнью? Что заставляет тело двигаться и обретать жизнь?" Поскольку в таком формате он не мог получить ответы от публики, он задавал риторические вопросы сам и сам же на них отвечал. "Некоторые говорят, что это душа. Как только душа покидает тело, жизнь в нем прекращается," – сказал он, доставая свой длинный нож. Он ходил по небольшой сцене, держа нож в руке. "Некоторые говорят, что это энергия. Сущность, которую можно использовать и потреблять." "Как пламя, которое заставляет светиться свечу, пока оно не сгорит полностью или его не унесет силой внешняя сила." Он подошел к профессору Вириллу. "Будучи самими учеными, профессор Вирилл Крусал и я больше склоняемся к последнему варианту." "Как пламя в свече, энергию в теле можно вернуть. Ее можно разжечь снова." "Сейчас вы станете свидетелями того, что человечество никогда не считало возможным..." Он не монотонно разглагольствовал долго, оставляя интригу на потом. Он слышал, как внутри советник приблизился на стуле, скрип которого раздавался в тишине. Ронин широко улыбнулся. И воткнул нож в сердце профессора Вирилла! Ощущение было... неопишным. Когда кровь брызнула ему на лицо и одежду, и он почувствовал, как тело профессора содрогнулось на лезвии, которое он все еще держал... он ощутил некое облегчение. Как будто что-то, что он так долго сдерживал, наконец-то утолило жажду. Он забрал жизнь. И это было так хорошо. Настолько хорошо, что его сердце колотилось, невероятно быстро, как и сердце Вирилла, которое тоже билось в панике и от адреналина... Профессор был готов принять смерть, но его тело нет. Он кричал от боли и схватил Ронина за руку, как будто хотел, чтобы тот вытащил нож. Но Ронин не хотел вытаскивать нож. Он хотел погрузить его глубже, повернуть, чтобы лезвие коснулось еще больше мест, приносящих боль и крики. Его дыхание стало затрудненным, и он почувствовал, как... как... Ему тоже стало больно... чем сильнее становилось это чувство, тем больше он его хотел. Он хотел его снова и снова, пока оно не достигнет кульминации, которая позволит ему взлететь на новые высоты... Но сердце Вирилла остановилось, и голова его упала набок. Все? Неужели только и всего? Слишком быстро! Вскоре Ронин понял, что это чувство длится только во время убийства и прекращается, когда человек погибает. Как только человек был мертв, а не просто умирал... восторг улетучился. И все, что осталось, была пустота. Мир внезапно стал гораздо яснее, но в то же время мрачнее. Внутри он

чувствовал пустоту, как будто часть его тоже умерла, когда этот человек перед ним ушел из жизни. Это хорошо только если продолжается. Но как только оно было освобождено...Ничто больше не казалось хорошим. Это было как сон, как экстаз. Он вытащил нож, позволив еще больше крови брызнуть, но больше ничего не чувствовал. Он был совершенно равнодушен, когда потянул за рычаг, чтобы вернуть этого человека к жизни. Мертвое тело содрогнулось, как во время смерти. Синяя электрическая энергия танцевала над телом, вновь зажигая угасшую энергию, и это было своего рода красиво. Но Ронину была не нужна красота. Он не видел красоты в перерождении, только в смерти. В гибели. Когда все закончилось, профессор Вирилл открыл глаза, бешено хватая ртом воздух. Ронин отстегнул его и лениво поклонился стеклянной панели. "Спасибо, что посмотрели нашу презентацию." Он больше не интересовался ничем, что может произойти дальше, из-за этой пустоты. Но потом... "Т-ты был прекрасен! Молодец!" Из-за панели раздался заикающийся голос, и за ним последовала фигура, спешащая к нему, чтобы обнять его. "Ты действительно был великолепен, мальчик! Я чувствовал твои ощущения даже за стеклом! С-столько, что почти сам все делал!" Профессор Эспинелла обнимал его, хваля за "показ его чувств".

<http://tl.rulate.ru/book/87817/4211121>